

Материал для справок:

Слово «перчатки» происходит от древнерусского «рукавки персчатые», что в переводе означает «рукавицы с пальцами».

История перчаток насчитывает уже несколько тысячелетий. В древности люди оборачивали руки, чтобы согреться. В Древнем Риме перчатки одевались, чтобы не обжечься, так как римляне ели руками. В средние века придворные лица носили перчатки в знак отличия от простолюдинов. При дворе молодой Елизаветы, в 16 веке перчатки становятся модным аксессуаром. В покои королевы было запрещено входить без перчаток. И в другие спальни высокопоставленных лиц нельзя было входить с голыми руками. При Елизавете мастера по изготовлению перчаток становились на одну ступень с ювелирами. Наполеон тоже ввёл в моду перчатки: все его приближённые должны были входить к нему в кабинет в модных перчатках. В Англии начала 19 века были сформулированы правила «истинного джентльмена». Одно из них гласило, что он должен менять перчатки не менее шести раз в день.

Из воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской

В 1/2 7-го я стала ждать Z<eibig>, чтобы идти с ним на заседание. Я нашла где-то свои старые перчатки, починила их, чтобы не быть с голыми руками. (Федя сегодня поссорился с Идой за нечищенное платье, и когда мы пришли, то видели, что она плакала. Я думаю, она нас просто ненавидит. Потом он потерял свои светло-сиреневые перчатки, которые у него с незапамятных времен. Он их никогда не надевает, а только держит в руке и несколько раз забывал их где-нибудь в лавке. Всякий раз я ему их поднимала, но на этот раз они потеряны безвозвратно, он очень их жалеет.)

Федя встал ужасно раздражительный и разбитый. Сегодня мы решились идти в консульство для засвидетельствования этой бумаги. Но он сегодня ужасно грустен, так что я едва могла его упросить идти. Пошли. Консульство от нас в двух шагах, но так как мы пришли в 2 часа, то никого не было. Бумагу мы там оставили. Сказано прийти в одиннадцать часов. Отсюда мы пошли в галерею. На дороге купили мне перчатки светлые (за пару 1 талер 2 1/2 гроша).

Федя пришел довольно рано из кофейной, и мы отправились гулять; Федя твердил, что мне необходимо купить новые перчатки, так как эти решительно износились, зашли мы в магазин, и я хотела себе выбрать перчатки потемнее цветом, так, чтобы они гораздо дольше проносились, Федя на это мне заметил, что я решительно человек без вкуса. Ах, господи! был бы и у меня вкус, если бы у меня были средства одеваться хорошенько, а то когда перчатки приходится покупать через 3 месяца, так и поневоле пожелаешь иметь потемнее цветом. Я просила Федю не кричать на меня в магазине, он на это рассердился и потом дулся на меня всю дорогу, сказав, что он на меня не кричал и что поэтому я очень к нему несправедлива. Заплатили мы за перчатки 2 1/2 франка, посмотрим, долго ли они у меня проносятся. Долго Федя все на меня сердился, я просила успокоиться, мне действительно было больно, потому что, может быть, и я погорячилась, но ведь надо же и мне иногда простить.

Из романа «Преступление и наказание»

Ему вдруг захотелось понять, что именно в этой женщине такого странного? Во-первых, она, должно быть, девушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, без зонтика и без перчаток, как-то смешно размахивая руками. На ней было шелковое, из легкой материи ("матерчатое") платье, но тоже как-то очень чудно надетое, едва застегнутое и сзади у талии, в самом начале юбки, разорванное; целый клочок отставал и висел болтаясь.

Действительно, в общем виде Петра Петровича поражало как бы что-то особенное, а именно, нечто как бы оправдывавшее название "жениха", так бесцеремонно ему сейчас данное. Во-первых, было видно и даже слишком заметно, что Петр Петрович усиленно поспешил воспользоваться несколькими днями в столице, чтоб успеть принарядиться и прикраситься в ожидании невесты, что, впрочем, было весьма невинно и позволительно. Даже собственное, может быть даже слишком самодовольное собственное сознание своей приятной перемены к лучшему могло бы быть прощено для такого случая, ибо Петр Петрович состоял на линии жениха. Все платье его было только что от портного, и все было хорошо, кроме разве того только, что все было слишком новое и слишком обличало известную цель. Даже щегольская, новехонькая, круглая шляпа об этой цели свидетельствовала: Петр Петрович как-то уж слишком почтительно с ней обращался и слишком осторожно держал ее в руках. Даже прелестная пара сиреневых, настоящих жувеневских, перчаток свидетельствовала то же самое, хотя бы тем одним, что их не надевали, а только носили в руках для параду.

По старой привычке, обыкновенным путем своих прежних прогулок, он прямо направился на Сенную. Не доходя Сенной, на мостовой, перед мелочною лавкой, стоял молодой черноволосый шарманщик и вертел какой-то весьма чувствительный романс. Он сопровождал стоявшей впереди его на тротуаре девушке, лет пятнадцати, одетой как барышня, в кринолине, в мантильке, в перчатках и в соломенной шляпке с огненного цвета пером; все это было старое и истасканное. Уличным, дребезжащим, но довольно приятным и сильным голосом она выпевала романс, в ожидании двухкопеечника из лавочки. Раскольников приостановился рядом с двумя-тремя слушателями, послушал, вынул пятак и положил в руку девушке. Та вдруг пресекла пение на самой чувствительной и высокой нотке, точно отрезала, резко крикнула шарманщику: "будет!", и оба поплелись дальше, к следующей лавочке.

Говоря это, она суетливо набрасывала на себя мантилью и надевала шляпку; Дунечка тоже оделась. Перчатки на ней были не только заношенные, но даже изодранные, что заметил Разумихин, а между тем эта явная бедность костюма даже придавала обеим дамам вид какого-то особенного достоинства, что всегда бывает с теми, кто умеет носить бедное платье. Разумихин с благоговением смотрел на Дунечку и гордился, что поведет ее. "Та королева, — думал он про себя, — которая чинила свои чулки в тюрьме, уж конечно, в ту минуту смотрела настоящею королевой и даже более, чем во время самых пышных торжеств и выходов".

Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Был он щегольски и комфортно одет и смотрел осанистым барином. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках.

Знаете, мне всегда было жаль, с самого начала, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь дочерью владетельного князька или там какого-нибудь правителя, или проконсула в Малой Азии. Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и в пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит. Я слышал что-то о каком-то господине Разумихине. Он малый, говорят, рассудительный (что и фамилия его показывает, семинарист должно быть), ну так пусть и бережет вашу сестру.

Давид Самойлов
Дом-музей

Потомков ропот восхищенный,
Блаженной славы Парфенон!
Из старого поэта

...производит глубокое...
Из книги отзывов

Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф. Умывальник. Кровать.
Это штора - окно прикрывать.
Вот любимое кресло. Покойный
Был ценителем жизни спокойной.

Это вот безымянный портрет.
Здесь поэту четырнадцать лет.
Почему-то он сделан брюнетом.
(Все ученые спорят об этом.)
Вот позднейший портрет - удалой.
Он писал тогда оду "Долой"

И был сослан за это в Калугу.
Вот сюртук его с рваной полкой -
След дуэли. Пейзаж "Под скалой".
Вот начало "Послания к другу".
Вот письмо: "Припадаю к стопам..."
Вот ответ: "Разрешаю вернуться..."
Вот поэта любимое блюдо,
А вот это любимый стакан.

Завитушки и пробы пера.
Варианты поэмы "Ура!"
И гравюра: "Вручение медали".
Повидали? Отправимся дале.

Годы странствий. Венеция. Рим.
Дневники. Замечанья. Тетрадки.
Вот блестящий ответ на нападки
И статья "Почему мы дурим".
Вы устали? Уж скоро конец.
Вот поэта лавровый венец -
Им он был удостоен в Тулузе.
Этот выцветший дагерротип -
Лысый, старенький, в бархатной блузе
Был последним. Потом он погиб.

Здесь он умер. На том канаве,
Перед тем прошептал изреченье
Непонятное: "Хочется пе..."
То ли песен. А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Смерть поэта - последний раздел.
Не толпитесь перед гардеробом..

Слово «перчатки» происходит от древнерусского «рукавки персчатые», что в переводе означает «рукавицы с пальцами».

История перчаток насчитывает уже несколько тысячелетий. В древности люди оборачивали руки, чтобы согреться. В Древнем Риме перчатки одевались, чтобы не обжечься, так как римляне ели руками. В средние века придворные лица носили перчатки в знак отличия от простолюдинов. При дворе молодой Елизаветы, в 16 веке перчатки становятся модным аксессуаром. В покои королевы было запрещено входить без перчаток. И в другие спальни высокопоставленных лиц нельзя было входить с голыми руками. При Елизавете мастера по изготовлению перчаток становились на одну ступень с ювелирами. Наполеон тоже ввёл в моду перчатки: все его приближённые должны были входить к нему в кабинет в модных перчатках. В Англии начала 19 века были сформулированы правила «истинного джентльмена». Одно из них гласило, что он должен менять перчатки не менее шести раз в день.

Для каждого знаменательного события предназначались перчатки определённого цвета. Перчатки чёрного цвета было принято одевать на траурные мероприятия, жёлтые – на охоту, а в белых приходили на бал. Если бы дама или кавалер в 19 веке пришли в оперу, не надев белые перчатки, то упали бы в глазах всего общества. Коричневый, синий, серый, тёмно-зелёный цвета с середины 19 века считались самыми уважаемыми цветами перчаток для города.

Из воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской

В 1/2 7-го я стала ждать Z<eibig>, чтобы идти с ним на заседание. Я нашла где-то свои **старые перчатки**, починила их, чтобы не быть с голыми руками. (Федя сегодня поссорился с Идой за нечищенное платье, и когда мы пришли, то видели, что она плакала. Я думаю, она нас просто ненавидит. Потом он потерял свои **светло-сиреневые перчатки, которые у него с незапамятных времен. Он их никогда не надевает, а только держит в руке и несколько раз забывал их где-нибудь в лавке. Всякий раз я ему их поднимала, но на этот раз они потеряны безвозвратно, он очень их жалеет.**)

Федя встал ужасно раздражительный и разбитый. Сегодня мы решились идти в консульство для засвидетельствования этой бумаги. Но он сегодня ужасно грустен, так что я едва могла его упросить идти. Пошли. Консульство от нас в двух шагах, но так как мы пришли в 2 часа, то никого не было. Бумагу мы там оставили. Сказано прийти в одиннадцать часов. Отсюда мы пошли в галерею. На дороге купили **мне перчатки светлые (за пару 1 талер 2 1/2 гроша)**. В галерее была жара непомерная. Феде сегодня, по обыкновению, ничего не нравится, так, то, что он прежде находил хорошим, теперь на то и смотреть не хочет. Это обыкновенно у него бывает, когда после припадка изменяются все его впечатления. Федя никогда не может рассмотреть хорошенько Мадонну, потому что не видит так хорошо, а лорнета нет. Вот сегодня он и придумал стать на стул пред Мадонной, чтоб ближе ее рассмотреть. Конечно, я вполне уверена, что в другое время он ни за что не решился бы на этот неизбежный скандал, но сегодня это он сделал. К нему подошел какой-то лакей и сказал, что это запрещено. Только что лакей успел выйти из комнаты, как Федя мне сказал, что пусть его выведут, но что он непременно еще раз станет на стул и посмотрит на Мадонну, а если мне это неприятно, то пусть я отойду в другую комнату. Я так и сделала. Через несколько минут пришел и Федя, сказал, что [[он все-таки стал и]] видел. [[Я, разумеется, выбрала его за это,]] но он ответил, что, что за важность, если б его вывели из галереи, что у лакея душа лакейская. Как будто лакей был виноват, что ему приказано не допускать различных беспорядков. Действительно, что бы это было, если б каждый вздумал смотреть так, как ему удобнее. Тогда был бы немалый беспорядок [[всегда]].

Федя пришел довольно рано из кофейной, и мы отправились гулять; Федя твердил, что мне необходимо **купить новые перчатки**, так как эти решительно износились, зашли мы в магазин, и я хотела себе выбрать **перчатки потемнее цветом**, так, чтобы они гораздо дольше проносились, Федя на это мне заметил, что я решительно человек без вкуса. Ах, господи! был бы и у меня вкус, если бы у меня были средства одеваться хорошенько, а то когда **перчатки приходится покупать через 3 месяца**, так и поневоле пожелаешь иметь потемнее цветом. Я просила Федю не кричать на меня в магазине, он на это рассердился и потом дулся на меня всю дорогу, сказав, что он на меня не кричал и что поэтому я очень к нему несправедлива. Заплатили мы за перчатки 2 ½ франка, посмотрим, долго ли они у меня проносятся. Долго Федя все на меня сердился, я просила успокоиться, мне действительно было больно, потому что, может быть, и я погорячилась, но ведь надо же и мне иногда простить.

Из «Братьев Карамазовых»

— У тебя расстроены нервы, — заметил джентльмен с развязно-небрежным, но совершенно дружелюбным однако видом, — ты сердисься на меня даже за то, что я мог простудиться, а между тем произошло оно самым естественным образом. Я тогда поспешал на один дипломатический вечер к одной высшей петербургской даме, которая метила в министры. Ну, фрак, белый галстук, перчатки, и однако я был еще бог знает где, и чтобы попасть к вам на землю предстояло еще перелететь пространство... конечно это один только миг, но ведь и луч света от солнца идет целых восемь минут, а тут, представь, во фраке и в открытом жилете. Духи не замерзают, но уж когда воплотился, то... словом, светренничал, и пустился, а ведь в пространствах-то этих, в эфире-то, в воде-то этой, я же бе над твердию, — ведь это такой мороз... то есть какое мороз, — это уж и морозом назвать нельзя, можешь представить: сто пятьдесят градусов ниже нуля!

Наконец председатель объявил к слушанию дело об убийстве отставного титулярного советника Федора Павловича Карамазова, — не помню вполне, как он тогда выразился. Судебному приставу велено было ввести подсудимого, и вот появился Митя. Всё затихло в зале, муху можно было услышать. Не знаю как на других, но вид Мити произвел на меня самое неприятное впечатление. Главное, он явился ужасным франтом, в новом с иголки сюртуке. Я узнал потом, что он нарочно заказал к этому дню себе сюртук в Москве, прежнему портному, у которого сохранилась его мерка. Был он в новешеньких черных лайковых перчатках и в щегольском белье. Он прошел своими длинными аршинными шагами, прямо до неподвижности смотря пред собою, и сел на свое место с самым бестрепетным видом. Тут же, сейчас же

Из рассказа «Вечный муж»

А ведь могло быть, а ведь было наверно так, что я произвел на него колоссальное впечатление в Т., именно колоссальное и "отрадное", и именно с таким Шиллером в образе Квазимодо и могло это произойти! Он преувеличил меня во сто раз, потому что я слишком уж поразил его в его философском уединении... Любопытно бы знать, чем именно поразил? Право, может быть, свежими перчатками и умением их надевать. Квазимоды любят эстетику, ух любят! Перчаток слишком достаточно для иной благороднейшей души, да еще из "вечных мужей". Остальное они сами дополнят раз в тысячу и подерутся даже за вас, если вы того захотите. Средства-то обольщения мои как высоко он ставит! Может быть, именно средства обольщения и поразили его всего более. А крик-то его тогда: "Если уж и этот, так в кого же после этого верить!" После такого крика зверем сделаешься!..

Из романа «Подросток»

В целом видно было неряху: руки, без перчаток, были грязные, а длинные ногти — в трауре. Напротив, товарищ его был одет щегольски, судя по легкой ильковой (3) шубе, по изящной шляпе и по светлым свежим перчаткам на тоненьких его пальчиках; ростом он был с меня, но с чрезвычайно милым выражением на своем свежем и молоденьком личике.

Из романа «Игрок»

На этих двух вечеринках я принужден был играть преглупейшую роль хозяина, встречать и занимать разбогатевших и тупейших купчишек, невозможных по их невежеству и бесстыдству, разных военных поручиков и жалких авторишек и журнальных козявок, которые явились в модных фраках, в палевых перчатках и с самолюбием и чванством в таких размерах, о которых даже у нас в Петербурге немислимо, — а уж это много значит сказать. Они даже вздумали надо мной смеяться, но я напился шампанского и провалялся в задней комнате.

Из романа «Преступление и наказание»

Ему вдруг захотелось понять, что именно в этой женщине такого странного? Во-первых, она, должно быть, девушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, без зонтика и без перчаток, как-то смешно размахивая руками. На ней было шелковое, из легкой материи ("матерчатое") платьице, но тоже как-то очень чудно надетое, едва застегнутое и сзади у талии, в самом начале юбки, разорванное; целый клочок отставал и висел болтаясь.

*****

Действительно, в общем виде Петра Петровича поражало как бы что-то особенное, а именно, нечто как бы оправдывавшее название "жениха", так бесцеремонно ему сейчас данное. Во-первых, было видно и даже слишком заметно, что Петр Петрович усиленно поспешил воспользоваться несколькими днями в столице, чтоб успеть принарядиться и прикраситься в ожидании невесты, что, впрочем, было весьма невинно и позволительно. Даже собственное, может быть даже слишком самодовольное собственное сознание своей приятной перемены к лучшему могло бы быть прощено для такого случая, ибо Петр Петрович состоял на линии жениха. Все платье его было только что от портного, и все было хорошо, кроме разве того только, что все было слишком новое и слишком обличало известную цель. Даже щегольская, новехонькая, круглая шляпа об этой цели свидетельствовала: Петр Петрович как-то уж слишком почтительно с ней обращался и слишком осторожно держал ее в руках. Даже прелестная пара сиреневых, настоящих жувеневских, перчаток свидетельствовала то же самое, хотя бы тем одним, что их не надевали, а только носили в руках для парада. В одежде же Петра Петровича преобладали цвета светлые и юношесвенные. На нем был хорошенький летний пиджак светло-коричневого оттенка, светлые легкие брюки, таковая же жилетка, только что купленное тонкое белье, батистовый самый легкий галстучек с розовыми полосками, и что всего лучше: все это было даже к лицу Петру Петровичу. Лицо его, весьма свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет. Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво сгущались возле светловыбритого блиставшего подбородка. Даже волосы, впрочем чуть-чуть лишь с проседью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этим обстоятельством ничего смешного или какого-нибудь глупого вида, что обыкновенно всегда бывает при завитых волосах, ибо придает лицу неизбежное сходство с немцем, идущим под венец. Если же и было что-нибудь в этой довольно красивой и солидной физиономии действительно неприятное и отталкивающее, то происходило уж от других причин. рассмотрев без церемонии господина Лужина, Раскольников ядовито улыбнулся, снова опустил на подушку и стал по-прежнему глядеть в потолок.<....>

— Это, кажется, о недавнем убийстве старухи чиновницы, — вмешался, обращаясь к Зосимову, Петр Петрович, уже стоя со шляпой в руке и перчатками, но перед уходом пожелав бросить еще несколько умных слов. Он, видимо, хлопотал о выгодном впечатлении, и тщеславие перебороло благоразумие.

*****

По старой привычке, обыкновенным путем своих прежних прогулок, он прямо направился на Сенную. Не доходя Сенной, на мостовой, перед мелочною лавкой, стоял молодой черноволосый шарманщик и вертел какой-то весьма чувствительный романс. Он аккомпанировал стоявшей впереди его на тротуаре девушке, лет пятнадцати, одетой как барышня, в кринолине, в мантильке, в перчатках и в соломенной шляпке с огненного цвета пером; все это было старое и истасканное. Уличным, дребезжащим, но довольно приятным и сильным голосом она выпевала романс, в ожидании двухкопеечника из лавочки. Раскольников приостановился рядом с двумя-тремя

слушателями, послушал, вынул пятак и положил в руку девушке. Та вдруг пресекла пение на самой чувствительной и высокой нотке, точно отрезала, резко крикнула шарманщику: "будет!", и оба поплелись дальше, к следующей лавочке.

Говоря это, она суетливо набрасывала на себя мантилью и надевала шляпку; Дунечка тоже оделась. Перчатки на ней были не только заношенные, но даже изодранные, что заметил Разумихин, а между тем эта явная бедность костюма даже придавала обеим дамам вид какого-то особенного достоинства, что всегда бывает с теми, кто умеет носить бедное платье. Разумихин с благоговением смотрел на Дунечку и гордился, что поведет ее. "Та королева, — думал он про себя, — которая чинила свои чулки в тюрьме, уж конечно, в ту минуту смотрела настоящею королевой и даже более, чем во время самых пышных торжеств и выходов".

*****

Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Был он щегольски и комфортно одет и смотрел осанистым барином. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках. Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели холодно-пристально и вдумчиво; губы алые. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет.

.....

Знаете, мне всегда было жаль, с самого начала, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь дочерью владетельного князька или там какого-нибудь правителя, или проконсула в Малой Азии. Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и в пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит.

*****

Соня остановилась в сенях у самого порога, но не переходила за порог и глядела как потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забыв и о своем перекупленном из четвертых рук, шелковом, неприличном здесь, цветном платье с длиннейшим и смешным хвостом, и необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и о светлых ботинках, и об омбрельке, ненужной ночью, но которую она взяла с собой, и о смешной соломенной круглой шляпке с ярким огненного цвета пером. Из-под этой надетой мальчишески набекрень шляпки выглядывало худое, бледное и испуганное личико с раскрытым ртом и с неподвижными от ужаса глазами. Соня была малого роста, лет восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами. Она пристально смотрела на постель, на священника; она тоже задыхалась от скорой ходьбы. Наконец шушуканье, некоторые слова в толпе, вероятно, до нее долетели. Она потупилась, переступила шаг через порог и стала в комнате, но опять-таки в самых дверях.

В эту минуту дверь тихо отворилась, и в комнату, робко озираясь, вошла одна девушка. Все обратились к ней с удивлением и любопытством. Раскольников не узнал ее с первого взгляда. Это была Софья Семеновна Мармеладова. Вчера видел он ее в первый раз, но в такую минуту, при такой обстановке и в таком костюме, что в памяти его отразился образ совсем другого лица. Теперь это

была скромно и даже бедно одетая девушка, очень еще молоденькая, почти похожая на девочку, с скромною и приличною манерой, с ясным, но как будто несколько запуганным лицом. На ней было очень простенькое домашнее платье, на голове старая, прежнего фасона шляпка; только в руках был, по-вчерашнему, зонтик. Увидав неожиданно полную комнату людей, она не то что сконфузилась, но совсем потерялась, оробела, как маленький ребенок, и даже сделала было движение уйти назад.